

74.10.11.1876

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

1867.

СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ И АНГЛИИ

въ Средней Азіи.

(Статья Германа Вамбери.)

Въ заключительной главѣ моей книги, «Путешествіе въ Среднюю Азію», изданной въ свѣтъ три года тому назадъ, я выразилъ удивленіе по поводу равнодушія, съ какимъ смотрять англичане на завоеванія русскихъ въ Туркестанѣ. Я указалъ тогда, какъ направленіе операціонной линіи русскихъ на Сыръ-Дарьѣ, такъ и постоянное приближеніе ихъ къ британской Индіи. Воздерживаясь отъ всякихъ политическихъ мудрствованій, я старался высказать мою мысль какъ можно короче и яснѣе, и почти не рассчитывалъ, что бы простыя, безпристрастныя слова только что вернушагося изъ Азіи европейца обратили на себя большое вниманіе. Между тѣмъ, почти всѣ органы англійской печати, отъ «Times» до «Hirkagu Bengal», разбирали заключительныя строки моей книги, и обращали на нихъ вниманіе читателей. Только немногія изъ англійскихъ газетъ согласились, въ большей или меньшей мѣрѣ, съ моимъ мнѣніемъ; большинство же, напротивъ, отвергло мой добрый совѣтъ, и приходило въ восторгъ отъ счастливой, по ихъ понятію, перемѣны, происшедшей въ политикѣ англійскихъ министровъ, которые не смотрятъ теперь, какъ это было лѣтъ тридцать тому назадъ, враждебно на приближеніе русскихъ къ британской Индіи, а, напротивъ, даже радуются этому факту, и желаютъ русскимъ «счастливаго пути» въ ихъ шествіи къ югу чрезъ свѣжныя вершины Гиндуку и Гималаи.

Между тѣмъ, въ эти три года, многое измѣнилось. Вовсе не

думаю торжествовать, какъ бывшій дервингъ, по случаю исполненія моего пророчества, я, однако, не могу удержаться, что бы не указать на ту линію, на которой совершился предсказанный мною успѣхъ русскаго оружія. Въ то время, когда я былъ въ Средней Азій, передовые казачьи форпосты находились въ Калле-Регимѣ, въ 32 миляхъ отъ Ташкента. Форты № 1, 2 и 3, хотя фактически и завоеванные, не перешли еще въ тупору въ прочное владѣніе русскихъ. Точно также, на сѣверѣ Кокана, на западъ отъ Иссыгъ-Куля и Нарина, русскіе не могли похвалиться сколько нибудь значительными успѣхами. Киргизы смотрѣли крайне враждебно на чужеземныхъ пришельцевъ, и населеніе, живущее на сѣверной границѣ Кокана, считало занятіе страны русскими равнозначительнымъ свѣтопреставленію: до такой степени ненавистны были «невѣрные» этимъ поклонникамъ пророка. Три года прошло съ тѣхъ поръ — и что же мы видимъ? Въ Газретъ-Туркестанѣ Ходжа-Ахметъ-Есевъ, наиболѣе чтимый патронъ киргизовъ, сдѣлался русскимъ подданнымъ; Ташкентъ, значительнѣйшій торговый городъ, складочное мѣсто для торговли Россіи съ Китаемъ и Среднею Азією, присоединенъ къ сѣверному колоссу; русскій флагъ развѣвается не только на цитадели Ходжента, втораго по важности города въ Коканѣ, но также и на укрѣпленіяхъ: Заминѣ, Уратюбе и Джюзакѣ. Страшный «*зрусъ*» провозгласилъ себя покровителемъ и защитникомъ въ восточномъ ханствѣ Туркестана; Газретъ-ханъ и Газретъ, наменганскій верховный мулла, добиваются милости того, который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ наводилъ на нихъ смертельный страхъ даже во снѣ. И не только коканцы, но даже таджики во всей Бухарѣ и Хивѣ, огромное число отпущенныхъ на волю рабовъ, точно также; какъ и богатые купцы изъ Мультана и другихъ частей Индіи; прежде трепетавшіе передъ узбекскимъ могуществомъ, теперь радостно напештываютъ другъ другу, что русскіе мало по малу приближаются, и что скоро кончится владычество и произволъ узбековъ.

Вотъ уже три года, какъ съ береговъ Невы стали съ болѣею смѣлостію и твердостію руководить этими переворотами въ степяхъ Туркестана. Съ юношескихъ лѣтъ интересуюсь этими странами и поставивъ ихъ, въ качествѣ путешественника, я всегда внимательно слѣдилъ за всѣмъ, происходящимъ на берегахъ Сыръ-Дарьи. Я съ жадностію читалъ какъ газетныя извѣстія объ этихъ краяхъ, такъ и скучныя свѣдѣнія, посылаемыя мнѣ изъ Туркестана моими бывшими спутниками хаджи черезъ своихъ товарищей, отправляющихся на Западъ. Само собою разумѣется, что я также съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за толками англійской печати по поводу событій въ Средней Азій и за дѣйствіями индобританскихъ дипломатовъ. О пророчествахъ дервиша не думала ни та, ни другая партія; всѣ продолжали попрежнему радоваться ходу событій въ

Средней Азии; даже теперь не довольствовались простою фразой, что успѣхи русскихъ въ Средней Азии желательны, но старались разнаго рода доводами доказать, что эти успѣхи русскихъ какъ нельзя болѣе выгодны для англичанъ.

Что бы удачнѣе рѣшить эту задачу, что бы лучше убѣдить мыслящій міръ Англіи въ выгодахъ русскихъ завоеваній въ Средней Азии, старались представить вопросъ въ такомъ видѣ, что бы каждый классъ англійскаго общества имѣлъ поводъ остаться довольнымъ этими завоеваніями. Ученому міру президентъ лондонскаго географическаго общества сообщалъ, какія важныя услуги оказали наукѣ тригонометрическія, геологическія и географическія работы и изслѣдованія русскихъ въ Средней Азии. Русскіе ученые путешественники, носившіе въ страны, превозносились до небесъ, и недавно еще вице-адмиралу Бутакову присуждена большая золотая медаль за его открытія на Аральскомъ морѣ. Сторонникамъ социальныхъ реформъ указывали на татарскую грубость, сравнивая ее съ русскою цивилизаціею, и противопоставляли молодой Россіи начертанную мною картину Средней Азии; указывали на освобожденіе крѣпостныхъ въ Россіи, на усилія къ поднятію народнаго образованія, на большую перемену въ нравахъ, на господствующія въ русскомъ обществѣ цивилизационныя идеи, все болѣе и болѣе приближающія къ идеямъ, распространеннымъ въ Англіи, — и при этомъ на каждомъ шагѣ доказывалась польза русскаго преобладанія въ Азии. Торговому міру представляли выгоды, какія должны произойти отъ обезпеченныхъ путей сообщенія, которые будутъ проложены русскимъ оружіемъ черезъ степи Туркестана въ Индію. Нѣкоторые органы англійской журналистики зашли въ своемъ усердіи такъ далеко, что доказывали почтеннымъ фабрикантамъ Бирмингэма, Шеффилда, Манчестера, и т. д., что по новымъ русскимъ торговымъ путямъ въ Среднюю Азію будутъ возиться только англійскіе товары. Даже для военнаго сословія нашлось радостное словечко по поводу русскихъ завоеваній въ Средней Азии: сынамъ Марса представляли будущее вторженіе русскихъ въ Индію какъ смѣшное пугало. Съ стратегической, физической и нравственной точки зрѣнія, это нападеніе на Индію было объявлено невозможнымъ. Какимъ образомъ — спрашивали англійскіе публицисты — русскіе перешли бы черезъ важное естественное укрѣпленіе Индіи, необозримыя безводныя степи; какимъ образомъ они побѣдили бы воинственное афганское племя, и проникли бы черезъ опасныя горныя проходы? И если бы даже имъ удалось преодолѣть всѣ эти препятствія, то какъ бы они справились съ британскими львами, спокойно ожидающими ихъ въ роскошныхъ паланкинахъ? Даже духовенство, этотъ могущественнѣйшій рычагъ въ Англіи, постарались убавить, указывая на стремленія русской православной церкви соединиться съ англиканскою. Д-ръ Нормэнъ Макъ-Клеодъ пользуется авторите-

томъ въ Англіи. Его возгласъ: *«Греческая церковь еще не побила»* возбудилъ во многихъ надежду, и многочленные сано-вники англиканской церкви съ восторгомъ ждали, и ждутъ той минуты, когда греческій крестъ протянется съ береговъ Невы, что бы братски облобызать горделивый куполь собора св. Павла въ Лондонѣ, и когда соединенныя церкви грековосточная и англиканская сдѣлаются могущественнымъ орудіемъ противъ папсма.

Выгоды русскихъ завоеваній въ Средней Азій доказывались и въ газетныхъ статьяхъ, и въ самостоятельныхъ брошюрахъ. Меньшинство, весьма незначительное, не отваживалось возвысить свой предостерегающій голосъ противъ оптимистовъ, противъ этихъ проповѣдниковъ новыхъ политическихъ ученій. Правда, сэръ Генри Раулинсонъ, безспорно лучше всѣхъ знакомый съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азій, указывалъ, въ своихъ превосходныхъ статьяхъ, появившихся повременамъ въ «Quarterly Review», на ложность господствующаго въ Англіи взгляда по этому предмету, и хотя онъ высказался противъ дѣятельнаго вмѣшательства, сомнѣваясь въ возможности нападенія русскихъ на Остъ-Индію, и только порицалъ равнодушіе англичанъ, въ виду событій въ Средней Азій, но слова его всетаки не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на большинство англійскаго общества. Если уже такой авторитетъ, какъ сэръ Генри Раулинсонъ — думать я — не можетъ ничего сдѣлать, то мои слова тѣмъ болѣе были бы «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Поэтому я долго колебался; но, изучивъ этотъ вопросъ во всѣхъ фазахъ его развитія, разобравъ его безпристрастно съ различныхъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ состояніи доказать не только англійскимъ политикамъ, но и всей Европѣ, что сентъ-джемскій кабинетъ находится въ роковомъ заблужденіи, что его любимая система невмѣшательства и безучастія не только вредитъ интересамъ Англіи, но и составляетъ смертоносное оружіе, посредствомъ котораго Великобританія совершаетъ небывалое въ исторіи самоубійство.

Если я, не будучи ни англичаниномъ, ни русскимъ, такъ горячо интересуюсь вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь, то это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что я смотрю на возможное столкновение двухъ колоссовъ въ Азій, не столько съ точки зрѣнія ихъ взаимнаго соперничества, сколько съ точки зрѣнія общеевропейскихъ интересовъ. Для насъ не все равно, кто получитъ пробыданіе въ Азій, и сдѣлается рѣшителемъ судьбы древняго міра, ибо на сколько различаются между собою Англія и Россія, въ качествѣ проводниковъ западной цивилизаціи, на столько же различались бы онѣ и въ отношеніи употребленія плодовъ ихъ борьбы. Бѣглый взглядъ на положеніе татаръ, уже около двухъ сотъ лѣтъ находящихся подъ русскимъ владычествомъ, съ одной стороны, и на положеніе миллионныхъ британскихъ подданныхъ Индіи, съ другой — достаточно объ-

*

снять намъ это различіе между Англією и Россією. Мы предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ подробнѣе въ послѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что вопросъ о соперничествѣ двухъ сѣвероевропейскихъ державъ въ Средней Азій касается не только англичанъ и русскихъ но и cadaго европейца, даже болѣе: онъ долженъ обратить на себя вниманіе cadaго мыслящаго человѣка нашего столѣтія *).

I.

ЗАВОЕВАНІЯ РУССКИХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ.

Прежде всего мы напомнимъ читателю главные факты изъ исторіи завоеваній русскихъ въ Средней Азій въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Не вдаваясь въ подробное описаніе походовъ Перовскаго, Черняева, Романовскаго, изложенныхъ частію въ книгѣ Мичела: «The Russians in Central Asia» (Русскіе въ Средней Азій), частію въ превосходныхъ статьяхъ англійскихъ журналовъ: «Quarterly Review» и «Edinburgh Review»; не входя также въ разборъ скудныхъ свѣдѣній, оглашаемыхъ русскимъ правительствомъ, и еще болѣе скудныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ изъ центральной Азій дорогостоящими англійскими лазутчиками, — мы бросимъ бѣглый взглядъ на событія, что бы познакомить читателя съ успѣхами, которыхъ достигло въ настоящее время русское оружіе въ Средней Азій.

Операциа русскихъ въ Средней Азій начаты были какъ нельзя удачнѣе, — именно въ томъ отношеніи, что русскіе, желая, послѣ кажущагося покоренія киргизовъ, утвердиться въ трехъ среднеазиатскихъ ханствахъ, прежде всего предприняли покореніе Кокана. Въ этой восточной части трехъ туркестанскихъ степей всегда господствовалъ, сравнительно, самый ничтожный социальный порядокъ, а населеніе отличалось слабымъ религіознымъ образованіемъ и большимъ нерасположеніемъ къ воинственнымъ предпріятіямъ. Къ этому присоединялись еще внутренніи смуты: въ то время какъ на востокъ ходжасы, своими набѣдами на китайскую территорію, постоянно подвергали Коканъ опас-

*) Во всей континентальной журналистикѣ до сихъ поръ появились только двѣ статьи о дѣлахъ Средней Азій: — обѣ онѣ помѣщены въ «Revue des Deux Mondes». Авторъ первой просто указываетъ на возможность столкновенія Англіи съ Россією въ Азій; авторъ второй, проникнутый русскимъ духомъ, вторитъ англійскимъ оптимистамъ, чего я, конечно, не вибнѣлъ бы ему въ вину, если бы онъ только не похитилъ многихъ мѣстъ изъ моей книги: «Путешествіе по Средней Азій», выдавая ихъ за свое собственное.

ности столицевенія съ Китаемъ, которое дѣйствительно и случилось не разъ въ прежнее время, — съ запада этому ханству всегда грозили алчные къ завоеваніямъ бухарскіе эмиры, опустошавшіе страну своими нападеніями. Приближающіеся съ сѣвера колонны могущественнаго «уруса», до взятія русскими Акъ-Меджида, почти не обращали на себя вниманія коканцевъ, и весьма рѣдко служили темою разговора на базарахъ Наменгана и Кокана. Во время неудачной экспедиціи Перовскаго, на коканскомъ тронѣ воссѣдалъ Мехемедъ-Али-Ханъ. Онъ былъ любимъ народомъ, и ослѣпленная масса думала гораздо болѣе о завоеваніяхъ, чѣмъ о защитѣ противъ грозящаго съ сѣвера врага, или о заключеніи проектированнаго англичаниномъ Конолли союза съ Хивой. Только послѣ смерти Мехемедъ-Али, послѣдовало паденіе Акъ-Меджида, бывшее первою опасною раню существованію Кокана. Успѣхъ для русскихъ былъ тѣмъ легче, что въ то время съ одной стороны ожесточенная борьба между киргизами и кипчаками внутри ханства, а съ другой — первая попытка Вели-Ханъ-Тэра на Кашгаръ разединили и парализировали боевыя силы Кокана. Русское войско, шедшее приступомъ на коканскія укрѣпленія, расположенныя по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, нельзя упрекнуть въ трусости, хотя число *многихъ тысячъ* коканскихъ воиновъ, приведенное въ русскихъ реляціяхъ, основалось, какъ кажется, на черезчуръ смѣломъ глазомѣрѣ.

По взятіи Акъ-Меджида, или, вѣрнѣе, послѣ систематическаго устройства цѣлой цѣпи укрѣпленій вдоль береговъ Сыръ-Дарьи, воды которой съ этой поры сдѣлались доступны пароходамъ аральской флотиліи — русское могущество возростало съ тою же быстротою, съ какою уменьшалось, въ слѣдствіе постоянного дѣйствія вышеприведенныхъ причинъ, могущество Кокана. Устроенная на Сыръ-Дарьѣ линія укрѣпленій не только обезпечивала русскихъ со стороны Туркестана, но служила также могущественною обороною противъ киргизовъ, которые, будучи теперь окружены со всѣхъ сторонъ русскими, не такъ легко могли выслать въ поле противъ нихъ какого нибудь новаго *Ишеда* *) (такъ назывался послѣдній киргизскій вождь, дѣйствовавшій противъ русскихъ во время крымской войны). Поэтому петербургскій кабинетъ съ обычною своею энергіею продолжалъ дѣлозаніяты Кокана, и только когда оба корпуса, дѣйствовавшіе — одинъ со стороны китайской границы противъ Иссикъ-Куля, а другой со стороны Аральскаго моря, вдоль Сыръ-Дарьи, слѣдовательно подвигавшіеся съ сѣверовостока и сѣверозапада къ югу, соединились у *Ауліа-Ата* (буквально — «святый отецъ»: сюда въ прежнее время мохамедане ходили на богомолье), — только тогда русская дипломатія сочла нужнымъ сообщить Европѣ

*) Русскіе неправильно выговариваютъ это имя *Исета*. «Ишетъ» — обычное сокращеніе «Эйшъ-Мехемедъ», что означаетъ «отрада Мохамеда».

циркулярною депешю (отъ 9 (21) ноября 1864 г., за подписью князя Горчакова), что давнишнее желаніе русскаго правительства перенести пограничную черту русскихъ владѣній съ измѣнчивой почвы песчаной стени въ обитаемую часть Туркестана теперь удовлетворено, что тѣмъ самымъ наступательная политика кончилась, что на будущее время русское правительство будетъ стараться лишь о томъ, что бы, своимъ уваженіемъ къ независимости сосѣднихъ татарскихъ государствъ, доказать, что Россія далека отъ всякихъ враждебныхъ намѣреній, отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ и т. д.

Само собою разумѣется, что европейскіе кабинеты, за исключеніемъ сень-джемскаго, мало вѣрили этимъ обѣщаніямъ. Исторія государствъ, поставленныхъ въ необходимость постоянно расширять свои владѣнія, достаточно явѣстна; примѣры можно найти на каждой страницѣ всемірной исторіи, въ каждую эпоху, когда существовало сильное государство, могущество котораго находилось въ періодѣ возрастанія. Подобно тому, какъ англичане напрасно оправдывались въ горячѣ присоединенія новыхъ земель, овладѣвшей лордомъ Дальгузи, бывшимъ генераль-губернаторомъ британской Индіи, такъ точно и русскія ноты, въ родѣ депеши отъ 9 (21) ноября 1864 г., совершенно излишни. Таковъ уже естественный ходъ событій, и петербургскій кабинетъ былъ вполне правъ, и даже не могъ иначе поступить, какъ идти, по учрежденіи Туркестанской области, далѣе по южному теченію Сыр-Дарьи; ибо какъ прежде пустынные степи не представляли прочной границы, такъ и теперь окрестности Чеченда и Газрета, весьма рѣдко населенныя, не могли удовлетворять этой цѣли. Нужна была хорошо воздѣланная мѣстность, что бы въ отношеніи продовольствія не зависѣть вполне отъ оренбургскихъ и семипалатинскихъ путей сообщенія; необходимо было присоединить къ русскимъ владѣніямъ богатый и продородный Ташкентъ.

Поэтому считаю совершенно бесполезнымъ рассказывать здѣсь исторію о томъ, какъ ташкентскіе купцы и многочисленныя депутаціи ташкентцевъ, явившіеся въ русскій лагерь, умоляли принять ихъ подъ сѣнь двуглаваго орла (котораго среднеазіатцы называютъ *ашдеръ-дракона*, птица, замѣтимъ мимоходомъ, непопулярная у нихъ особенною любовію), что, будто бы, и было главною причиною занятія Ташкента русскими войсками, которое послѣдовало, какъ извѣстно, 13 (25) іюня 1865 г. Ташкентъ, жившій съ незапамятныхъ временъ во враждѣ съ властителями Кокана, въ послѣднее время былъ сильно возмущенъ тѣмъ, что его любимца, Худоюра, дважды лишали трона. А потому ташкентцы *очень рады* были ослабить господствующее вліяніе киргизовъ посредствомъ преобладанія русскихъ, но чтобы послѣдняго, т. е. преобладанія русскихъ, желало все ташкентское населеніе — въ этомъ можно нѣсколько усумниться.

Россія заняла Ташкентъ потому, что видѣла въ немъ сильный базисъ для дальнѣйшихъ операцій своего войска, а не потому, что желала сдѣлать его оплотомъ вновь приобрѣтенныхъ владѣній. Но, въ слѣдствіе занятія Ташкента, петербургскій кабинетъ вступилъ въ непріязненные отношенія и съ Бухарою. Какъ извѣстно, бухарскій эмиръ, своимъ походомъ 1863 г., приобрѣлъ номинальную верховную власть надъ западною частію Туркестана, и хотя, по уходѣ его, тамъ попрежнему началъ царить кипчакскій произволъ и возобновилась борьба разныхъ партій, но онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ себя верховнымъ властителемъ всего Кокана. Поэтому эмиръ послалъ коменданту новозавоеваннаго города грозное письмо, въ которомъ требовалъ, что бы русскіе очистили Ташкентъ. Но русскій генералъ не обратилъ вниманія на это грозное требованіе, и когда услышалъ, что посланный имъ въ Бухару для улаженія дѣла г. Струве задержанъ бухарцами, выступилъ 18 (30) января изъ Ташкента съ 14 ротами пѣхоты, 6 эскадронами козаковъ и 16 пушками, и переправился черезъ Сыръ-Дарью, съ цѣлю идти прямо на Бухару и наказать эмира за оскорбленіе русскаго повѣреннаго.

Это предпріятіе, однако, не удалось. Русскіе должны были отступить, но совершили отступление въ величайшемъ порядкѣ; и хотя безчисленныя массы бухарцевъ окружали русскихъ со всѣхъ сторонъ, но потеря послѣднихъ была незначительна, и вовсе не давала бухарцамъ права сочинять побѣдныя вѣсти, которыя они въ то время разглашали по всему мусульманскому міру, и которыя, черезъ посредство левантской почты, достигали и до насъ. Генералъ Черняевъ оправдывался тѣмъ, что предпринятое имъ поспѣшное движеніе на Бухару сдѣлано было единственно съ цѣлю разрушить козни тайныхъ англійскихъ эмисаровъ, которые всѣми силами старались устроить союзъ Бухары съ Англією, и которые были главными виновниками задержанія посланнаго имъ для переговоровъ г. Струве. Несмотря на это оправданіе, Черняеву не простили сдѣланной имъ ошибки: онъ былъ лишенъ главнаго начальства надъ русскимъ войскомъ, и мѣсто его занялъ генералъ Романовскій. Послѣдній подвигался впередъ медленнымъ, но зато вѣрнымъ шагомъ. 31 марта (12 апрѣля), русскіе забрали стадо овецъ въ 15,000 головъ, которое сопровождали 4,000 бухарскихъ наѣзтниковъ, а черезъ мѣсяцъ послѣ того, близъ Чинапа, произошла жаркая схватка, названная «ирджарскимъ сраженіемъ», въ которой татары были разбиты на голову. 14 (26) мая пала небольшая крѣпость Нау, а въ послѣдствіи и Ходжентъ, третій, по важности, городъ въ Коканѣ, взятъ былъ приступомъ, послѣ жаркаго боя, въ которомъ русскіе оставили на полѣ 133 убитыхъ и раненыхъ, а татары навѣрно вдесятеро болѣе. Но результатъ битвы, безъ сомнѣнія, стоилъ этой цѣны, ибо Ходжентъ лучше укрѣп-

лентъ, чѣмъ Ташкентъ и всѣ другіе города Кокана. Ходжеитъ сдѣлался второю опорною точкою для русскихъ, при движеніи ихъ къ югу и хотя «Русскій Ивалидъ», говоря о дальнѣйшихъ планахъ, утверждалъ, что завоеваніе Бухары, отдѣленной отъ прочихъ русскихъ владѣній степію, не можетъ быть цѣлю операцій русскаго войска, и даже было бы совершенно безполезно, но, несмотря на то, русскіе проникли черезъ Уратіупе и Джамъ-Заминъ до Джюзака, оставляя повсюду значительные гарнизоны.

Не менѣе интересно узнать: что происходило, во время этого побѣдоноснаго шествія русскихъ, въ самомъ Коканскомъ ханствѣ. Жители его, состоящіе изъ номадовъ, узбековъ и таджиковъ или сартовъ, также рѣзко отличались между собою, въ отношеніи расположенія или нерасположенія къ русскимъ, какъ и въ отношеніи національности, званія и занятій. Воинственные и пользующіеся большимъ вліяніемъ, кипчаки, какъ старіе враги бухарцевъ, которые хотѣли навязать имъ неавиственнаго Худояръ-хана, тотчасъ же перешли на сторону Россіи. Дружба ихъ была важнымъ приобрѣтеніемъ для русскихъ, и сближеніе послѣднихъ съ кипчаками началось, по всей вѣроятности, еще въ то время, когда подвигавшійся къ сѣверовостока отъ Иссыкъ-Куля корпусъ русской арміи пришелъ въ соприкосновеніе съ ними, иначе успѣхи русскихъ на этой линіи не могли бы быть достигнуты такою дешевою цѣною. Узбеки, считаемые по праву господствующею расою, защищались, по возможности, но, при свойственномъ имъ недостаткѣ храбрости, рѣшимости и стойкости, они не могли быть опаснымъ врагомъ; наконецъ, сообразивъ, что русское владычество, можетъ быть, не будетъ хуже, чѣмъ вѣчная война съ Бухарою, они порѣшили покориться неизбежной участи. Только нѣкоторые озлобленные имами и муллами, гонимые какимъ то безпричиннымъ страхомъ, бросились въ Бухару, какъ, напримѣръ, потомки Ходжа-Ахметъ-Іезеви, которые впрочемъ вѣроятно скоро возвратятся на мѣста, гдѣ покоятся кости ихъ священныхъ предковъ, такъ какъ русскіе, конечно, не станутъ имъ препятствовать собирать благочестивыя подаянія во время хожденія на богомолье. Впрочемъ, желали занятія страны русскими только богатые ташкентскіе купцы, сарты или таджики, да незначительное число персидскихъ невольниковъ: первые ожидали для себя большихъ выгодъ отъ включенія ихъ роднаго города въ русскую таможенную область, а послѣдніе надѣялись, что, съ прекращеніемъ владычества узбековъ, кончится ихъ подневольное положеніе. Какъ видно изъ письма генерала Крыжановскаго въ одну московскую газету, болѣе всего услугъ оказали русскимъ сарты. Ихъ аксакалы, а не аксакалы узбековъ, первые получили отъ русскихъ въ награду разныя почетныя званія и должности. Въ публичныхъ мѣстахъ они всегда являются вмѣстѣ съ русскими офицерами, и держатъ рѣчи

къ народу. Находясь съ давнихъ поръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россією, многіе изъ таджиковъ, особенно таикентцы, знаютъ русскій языкъ и русскую грамоту, почему употребляются въ качествѣ толмачей и посредниковъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ получили мѣста предсѣдателей *мекесовъ* (судовъ) и разныя другія общественныя должности, то легко угадать, какая была главная побудительная причина ихъ приверженности къ русскимъ.

Таковъ былъ ходъ событій на главной операціонной линіи русскихъ въ Коканѣ. Но и въ прилежащихъ пунктахъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, начато было втихомолку дѣло переворотовъ. Въ китайской Татаріи, какъ слышно, съ 1864 г. вытѣснены китайскіе гарнизоны, и установлено національное правительство. Сначала возмущались тунганы, а затѣмъ послѣдовало освобожденіе отъ китайской власти Хотена, Яркенда, Аксу и Кашгара, и хотя въ основѣ этихъ смутъ, быть можетъ, лежала просто исконная страсть коканскихъ ходжей къ разбойничеству, однако многіе утверждаютъ положительно, что русскіе поощряли возмущеніе, и даже, что кипчаки, владѣющіе теперь Кашгаромъ, завоевали его при помощи русскаго оружія. Это обыкновенная прелюдія русскаго вмѣшательства. Нѣкоторое время этимъ самостоятельнымъ городамъ позволять враждовать и воевать между собою; но легко предвидѣть, что ихъ распри скоро покажутся опасными для спокойствія русскихъ границъ, находящихся, впрочемъ, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, и если только пекинскій дворъ не поспѣшитъ возстановитъ порядокъ въ китайской Татаріи, то русскіе навѣрно скоро предупредятъ его въ этомъ отношеніи. Англійская печать утѣшаетъ себя тѣмъ, что непреодолимая преграда, представляемая хребтомъ Куэнь-Люэнь, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее приближеніе русскихъ къ Кашмиру, и что даже если бы русскіе дѣйствительно сдѣлали диверсію съ этой стороны, то это только послужило бы къ пользѣ среднеазиатской торговли. Но мы пока оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а теперь посмотримъ, каково положеніе дѣлъ въ части Средней Азій, лежащей къ западу отъ Кокана. Хотя русскіе завязали войну съ Бухарою, но до сихъ поръ не нападали на бухарскую территорію, ибо Джюзакъ составляетъ законную границу между Бухарою и Коканомъ. До сихъ поръ непріятельскія дѣйствія Россіи съ Бухарою ограничиваются дипломатическою перестрѣлкою, за которою въ перспективѣ виднѣется революція Шери-Себза, прославившагося въ войнахъ съ Бухарою. Хотя русская печать постоянно отрицаетъ всякое вмѣшательство Россіи, но появленіе въ Ташкентѣ аксакаловъ Шери-Себза что нибудь да значить. Менѣе всего, сравнительно, замѣтнымъ планъ Россіи въ Хивѣ. Населенной части собственно Хивинскаго ханства русское вліяніе еще не коснулось, и только на сѣверѣ у Сыръ-Дарьи, вдоль восточнаго берега Аральскаго озера, со времени

разрушенія крѣпости Ходза-Ниязъ, нѣкоторые бродячія толпы обращены въ русское подданство.

II.

Будущая политика Россіи въ Средней Азій.

Изъ предъидущаго очерка дѣйствій русскихъ въ Средней Азій легко видѣть, какова будетъ политика петербургскаго кабинета въ ближайшемъ будущемъ, и какимъ образомъ онъ станетъ далѣе преслѣдовать свои планы.

Самые южные и слѣдовательно самые крайніе форпосты русскихъ стоятъ въ Джюзакѣ. Слово «Джюзакъ» означаетъ на среднеазиатскомъ языкѣ знойное, палимое солнцемъ мѣсто, и положеніе Джюзака въ глубокой котловинѣ горъ Акъ-Тау вполне оправдываетъ данное ему имя. Въ слѣдствіе крайне нездороваго климата и недостатка воды, число жителей въ этой станціи на пути въ Коканъ весьма не велико, а потому, не смотря на помянутыя увѣренія «Русскаго Инвалида» и противоположное моему мнѣнію ученаго автора статьи «Central Asia», въ октябрьской книжкѣ за 1866 г. «Quarterly Review», я не думаю, что бы русскіе на долгое время избрали Джюзакъ мѣстомъ стоянокъ и отдыха. Даже независимо отъ нездороваго климата, продолжительное пребываніе въ Джюзакѣ было бы неблагоразумно въ политическомъ отношеніи. Русскіе очень хорошо знаютъ, какое значеніе имѣетъ Бухара въ глазахъ всего среднеазиатскаго, даже можно сказать—всего мохамеданскаго міра. Они знаютъ, что настоящій источникъ религіозныхъ вѣрованій и міросозерцанія не только среднеазиатцевъ, но также индусовъ, афганцевъ, ногайскихъ татаръ и другихъ фанатиковъ нужно искать на Церефшанѣ. Поэтому, что бы нанести Средней Азій рѣшительный ударъ, необходимо, что бы бухарскій эмиръ, именующій себя «княземъ всѣхъ правовѣрныхъ» призналъ надъ собою главенство блага царя; необходимо, что бы благородная, священная Бухара, гдѣ воздухъ наполненъ ароматическимъ запахомъ фатихъ и звуками изрѣченій корана, повторяемыхъ благочестивыми послѣдователями пророка, преклонилась передъ могуществомъ невѣрныхъ; необходимо, что бы толпа безумныхъ фанатиковъ и религіозныхъ энтузіастовъ созналась, что покоящіеся въ ихъ землѣ святыне не въ силахъ притупить русскіе штыки. Паденіе Бухары будетъ ужасающимъ примѣромъ для всего мусульманскаго міра; шумъ отъ этого паденія разнесется, какъ грозное предостереженіе, по всему Востоку. Къ этому, безъ сомнѣнія, и будетъ стремиться петербургскій кабинетъ.

Съ этой точки зрѣнія, весьма вѣроятно, что и на будущее время главное вниманіе русскихъ будетъ обращено на операционную линію, проходящую чрезъ Ташкентъ, Ходжентъ и Самаркандъ. Покореніе современемъ всего Кованскаго ханства не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ это покореніе не представляеть особенныхъ трудностей; но главная задача русскихъ будетъ состоять въ сохраненіи и обезпеченіи тѣхъ путей, на которыхъ русская армія, при дальнѣйшемъ движеніи впередъ, можетъ удобно поддерживать сообщеніе, какъ съ еильными гарнизонами, находящимися въ хорошо укрѣпленномъ теперь Ташкентѣ, такъ съ Оренбургскою губерніею и съ Семипалатинскою областію. Пусть эмиръ употребляетъ всевозможныя средства, что бы пріобрѣсти дружбу Россіи, чего онъ, впрочемъ, до сихъ поръ еще не дѣлалъ; пусть онъ отправляетъ сколько угодно посланцевъ въ Цареградъ; пусть онъ шлетъ какія угодно приглашенія къ вице-королю Индіи: все это ему ни мало не поможетъ. Столицею Бухары будетъ управлять русскій исправникъ, безъ него, или вмѣстѣ съ нимъ. Русскіе не успокоятся до тѣхъ поръ, пока древній Самаркандъ и Нахшебъ (Карши), или весь правый берегъ Аму-Дарьи, не будетъ присоединенъ къ ихъ исполинскому царству. Само собою разумѣется, что покорить земли, лежащія по ту сторону Аму-Дарьи, будетъ не такъ легко, какъ Ташкентъ и другіе пункты, пріобрѣтенные до сихъ поръ въ Средней Азіи. Я представляю себѣ полчища фанатиковъ, муллъ, ишановъ, студентовъ, которые станутъ странствовать по ханствамъ, проповѣдая *«джимада»* (религіозную войну) между афганцами, туркменцами, каракапакками, и разыгрывая сцены благочестиваго сокрушенія, что бы Аллахъ обратилъ свой гнѣвъ на вторгающихся чужеземцевъ. Борьба будетъ не на жизнь, а на смерть, но борьба совершенно бесполезная. На сколько я знаю хивинцевъ и афганцевъ, союзъ ихъ съ Бухарою дѣло невозможное, потому что если бы они были расположены къ такому союзу, то онъ уже существовалъ бы давнымъ давно. Не въ слѣдствіе эгоизма или какихъ нибудь политическихъ расчетовъ, а просто въ слѣдствіе безхарактерности и отсутствія всякой предусмотрительности, они будутъ оставаться въ состояніи апатіи до тѣхъ поръ, пока Аннибалъ не перейдетъ черезъ порогъ. Не только у среднеазиатцевъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ Востока, мы напрасно стали бы искать стремленія къ какой нибудь общей цѣли. Какъ афганцы—народъ, отличающійся воинственнымъ духомъ—могли бы доставить хорошо организованное вспомогательное войско, такъ и хивинскій ханъ могъ бы присоединиться къ арміи эмира съ 20 или 80 тысячами наѣздниковъ; но ни афганцы, ни хивинскій ханъ не сдѣлають этого. Соединить ихъ подъ однимъ начальствомъ счумѣлъ бы развѣ какой нибудь новый Тимуръ, или Чингисъ-Ханъ, да и то самая ничтожная добыча тотчасъ возбудила бы раздоръ въ ихъ рядахъ. Такъ точно и сотни ты-

сятъ искусныхъ туркменскихъ наѣздниковъ, живущихъ по ту сторону Аму-Дарьи вплоть до самой персидской границы, ничего не сдѣлаютъ для спасенія священнаго города. Ихъ инстинкты, побуждаемые своими собратами изъ священной Бухары и бухарскимъ эмиромъ, конечно употребятъ всѣ усилія, что бы поднять этихъ сыновъ пустыни на священную брань; но я слишкомъ хорошо знаю туркменцевъ, и увѣренъ, что они будутъ принимать участіе въ *джиадѣ* лишь до тѣхъ поръ, пока эмиръ станетъ платить имъ хорошее жалованье и кромѣ того будетъ указывать въ перспективѣ на богатую добычу; а какъ Афганъ и Персія нерѣдко заманивали ихъ въ свою службу, такъ и теперь русскіе имперіалы, по всей вѣроятности, скоро сдѣлаютъ ихъ товарищами по оружію козаковъ. Энтузіазмъ къ религіи пророка, по моему мнѣнію, существовалъ лишь въ первомъ столѣтіи геджры, или, вѣрнѣе сказать, только въ первые 50 лѣтъ по основаніи мохамеданства. Все, что совершилъ исламъ въ послѣдствіи въ Малой Азіи, въ восточной римской имперіи, на островахъ Средиземнаго моря, въ Венгріи и Германіи—все это совершенно подъ вліяніемъ дикой жадности къ добычѣ, къ приобрѣтенію сокровищъ, и подъ вліяніемъ страсти къ приключеніямъ. Гдѣ нѣтъ этихъ поводовъ, тамъ нѣтъ и рвенія, и потому, повторяю, хотя борьба въ Бухарѣ будетъ упорная, но быстрая побѣда русскихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Съ паденіемъ этого могущественнѣйшаго и сильнѣйшаго туркестанскаго ханства, Коканъ самъ согласится промѣнять нынѣшнюю номинальную верховную власть бѣлаго царя на его покровительство. Но Хива, по всей вѣроятности, несмотря на печальный примѣръ своихъ сосѣдей, не испугается, и не уступитъ безъ боя. Впрочемъ, завоеваніе Харезма будетъ сопряжено съ значительными трудностями, хотя и не столь большими, какъ покореніе Кокана. За исключеніемъ двухъ городовъ, жители которыхъ нѣсколько знакомы съ Россією по торговымъ сношеніямъ, узбекскому населенію Хивы ненавистно самое имя русскихъ. Хивинцы въ отношеніи храбрости стоятъ гораздо выше коканцевъ и бухарцевъ, что, въ соединеніи съ ихъ особаго рода способомъ веденія войны и благоприятными для нихъ условіями мѣстности, потребуетъ не малыхъ усилій со стороны русскихъ. Многіе географы и путешественники полагаютъ, что главнѣйшѣмъ путемъ для русской экспедиціи будетъ служить рѣка Аму-Дарья, но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Аму-Дарья, по причинѣ неправильности ея ложа и густой массы песка, который она несетъ въ своихъ волнахъ, неудобна для плаванія даже малыхъ судовъ, не говоря уже о военныхъ. Не проходитъ года, что бы ложе ея не перемѣщалось въ рухлой степной почвѣ на нѣсколько миль въ сторону отъ прежняго направленія. Русскіе, какъ видно, хорошо знаютъ эти неудобства Аму-Дарьи, потому что иначе маленькіе паро-

ходы аральской флотиліи, устроенныя для плаванія по рѣкамъ, начали бы свою задачу, проникать внутрь страны, скорѣе на Аму-Дарьѣ, чѣмъ на Сыръ-Дарьѣ. Ибо хотя небольшія укрѣпленія, находящіяся на возвышенномъ берегу Аму-Дарьи, какъ Кунградъ, Кипчакъ и Мангитъ, могли бы причинить нѣкоторый вредъ мимондущей флотиліи, однако, зная жалкое состояніе хивинской артиллеріи, на это обстоятельство врядъ ли слѣдовало бы обращать вниманіе. Были, правда, попытки совершать плаваніе отъ устьевъ до Кунграда, такъ какъ на этомъ протяженіи рѣка имѣетъ наибольшую глубину и сравнительно самое правильное ложе; но дѣло такъ и кончилось на однѣхъ попыткахъ, а это служить лучшимъ доказательствомъ того, что устроить судоходство по Аму-Дарьѣ хотя не безусловно невозможно, но во всякомъ случаѣ весьма трудно.

Впрочемъ, все это лишь второстепенныя затрудненія, и русскіе утвердятся въ Хивѣ точно такъ же, какъ и въ Бухарѣ, хотя и не при содѣйствіи сѣдыхъ бородъ джагатайскаго племени, а при помощи своихъ штыковъ и нарѣзныхъ пушекъ.

Когда пріобрѣтеніе всего праваго берега Аму-Дарьи будетъ обезпечено, когда участокъ земли отъ Иссыкъ-Куля до Аральскаго моря перейдетъ въ полное владѣніе русскихъ, и будетъ снабженъ нужнымъ количествомъ хлѣбныхъ магазиновъ, тогда начнутся переговоры и сношенія съ Афганистаномъ. Въ Афганистанѣ петербургскій кабинетъ не такъ скоро станетъ дѣйствовать вооруженною рукою, не потому, что бы ему служили предостереженіемъ промахи, сдѣланные англичанами въ 1839 г., а просто потому, что такой образъ дѣйствія вообще несвойственъ русскимъ. Это было бы частію излишне, частію неблагоприятно, при постоянныхъ раздорахъ и усобицахъ потомковъ Достъ-Мохамеда: гдѣ братъ враждуетъ съ братомъ, гдѣ корысть и честолюбіе пускаютъ въ ходъ всевозможныя интриги, тамъ какой нибудь тайный агентъ, ласковое слово, обѣщаніе, могутъ принести гораздо больше пользы для задуманнаго дѣла, чѣмъ нападеніе вооруженною силою. До сихъ поръ Абдуррахманъ-ханъ, въ своей борьбѣ съ Ширъ-Али-ханомъ, еще не вступалъ въ связи съ русскими агентами, хотя и показывалъ видъ, что имѣетъ съ ними сношенія, желая тѣмъ застрашать англійскаго *мунши* (агента) въ Кабулѣ. Что онъ не прочь былъ бы вступить въ подобныя сношенія, я нисколько не сомнѣваюсь; но русскіе пока еще не подали къ тому повода. Если бы противники покровительствуемаго въ Англіи эмира, Ширъ-Али-хана, получили хотя малѣйшій намекъ съ береговъ Невы, то они перестали бы воевать съ сэромъ Джономъ Лауренсомъ, остиндскимъ генералъ-губернаторомъ. Не только вожди и князья, но каждый афганскій воинъ, каждый пастухъ на Гильментѣ, освоился съ мыслию о сношеніяхъ съ русскими, и я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться, какъ охотно вступили бы эти люди въ союзъ съ Россіею противъ англи-

часть. Принесла ли бы дружба съ Россією благодѣтельные плоды для Афганистана, соотвѣтствовала ли бы она его интересамъ, объ этомъ никто изъ афганцевъ не разсуждаетъ. Афганецъ, подобно всякому азіатцу, видитъ лишь минутную выгоду; онъ видитъ только вредъ, который афганцы испытали въ Кашмирѣ и Синдѣ, въ слѣдствіе преобладанія англичанъ; онъ живо помнитъ послѣднее пребываніе красныхъ мундировъ въ Кабулѣ и Кандагарѣ, и хотя знаетъ, что русскіе не лучше *франкозъ*, но, движимый чувствомъ мести, предпочтетъ союзъ съ Россією союзу съ Англією.

Поэтому русскіе до поры до времени будутъ дѣйствовать въ Афганистанѣ миролюбиво, будутъ стараться заключить съ афганцами союзъ, опирающійся не на трактатахъ, а на сильное войско на Аму-Дарѣѣ.

Та же политика будетъ преслѣдоваться русскими и въ Персіи. И тутъ петербургскій кабинетъ, въ послѣднія десятилѣтія, дѣйствовалъ какъ нельзя удачнѣе. Со времени появленія русскаго посланника при блестящемъ дворѣ сефевидовъ до настоящей минуты, вліяніе Россіи въ Иранѣ перешло черезъ многія видоизмѣненія. Русскіе, на которыхъ въ былое время персіане смотрѣли съ презрѣніемъ, сдѣлались могущественнѣйшимъ и опаснѣйшимъ противникомъ Ирана. Въ то время, какъ Англія и Франція, при Наполеонѣ I, соперничали изъ за приобрѣтенія вліянія при тегеранскомъ дворѣ, Россія, какъ *«inter duos certantes tertius gaudens»*, пролагала втихомолку путь къ завоеванію Закавказья, къ выгоднымъ трактатамъ, гиблистанскому и туркменчайскому. И между тѣмъ, какъ западныя державы упорствовали въ этой политикѣ взаимнаго соперничества, сѣверный колоссъ занялъ на Кавказѣ и на Каспійскомъ морѣ такую позицію, что тѣнь ея простирается чрезъ сѣверный край Ирана далеко внутрь этой страны. Во время посольства въ Персію сэра Генри Раулинсона, англійское вліяніе пошло было въ гору, но съ тѣхъ поръ оно постоянно падало, — что продолжается и до настоящей минуты: на сколько англійская политика въ Иранѣ отличалась во времена Малькольма щедростію и предупредительностію, на столько же она отличается, начиная съ Мэкъ-Нила, скупостію и вадостію. Въ слѣдствіе этого, шахъ и его министры принуждены были взять себѣ въ менторы русскихъ. Не въ надеждѣ на лучшее будущее, а просто по необходимости, Персія должна была изъ отеческихъ объятій британскаго льва броситься въ объятія сѣвернаго медвѣдя, и шахъ, волею неволею, пляшетъ подъ пѣсню послѣдняго.

Если мы теперь, послѣ обзора положенія дѣлъ въ Средней Азій, посмотримъ на пограничную линію, идущую отъ Японскаго моря до кавказскаго берега Чернаго моря, на протяженіи 13,000 верстъ, на которой Россія соприкасается съ множествомъ различныхъ, по происхожденію и религіи, народовъ, надъ будущею судьбою которыхъ виситъ, подобно Дамоклову мечу,

ея завоевательная политика,—то мы скоро замѣтимъ, что, хотя крайніе южные форпосты русскихъ находятся на рѣкѣ Араксъ, но пунктъ, на которомъ Россія, при своихъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, натолкнется на европейскую державу, можно найти только въ Средней Азіи. Еще 20 лѣтъ тому назадъ, Россію отдѣляли отъ сѣверныхъ границъ британской Индіи большая киргизская степь и три ханства. Теперь же растояніе между Джюзакомъ и Пешауэромъ составляетъ не болѣе 15 дней пути или 120 географическихъ миль, хотя, правда, на этомъ протяженіи лежитъ и трудная дорога черезъ хребетъ Гиндуку. Путь этотъ, хотя представляющій затрудненія для перехода арміи, но затрудненія не непреодолимые, довольно удобенъ для проведенія политическаго вліянія, и Англія, видящая въ снѣжныхъ вершинахъ Гиндуку могущественный оплотъ своихъ владѣній, забываетъ, что русская пропаганда очень легко можетъ проникнуть съ береговъ Аму-Дарьи въ предѣлы Синда; Англія забываетъ, что съ той минуты, какъ въ Карши, Кери и Чарджуѣ станетъ развѣваться русскій флагъ, она можетъ уже считать Россію своею сосѣдкою.

III.

Виды Россіи на Индію и англійскіе оптимисты.

Имѣетъ ли дѣйствительно Россія серіозные виды на Индію; сдѣлаетъ ли она нападеніе на британскаго льва въ его богатыхъ владѣніяхъ; точно ли ея честолюбіе заходитъ такъ далеко, что она стремится соединить подъ своимъ могущественнымъ скипетромъ всю Азію, отъ береговъ Ледовитаго моря до мыса Коморина? Вотъ вопросъ, представляющій глубокий интересъ не только для англичанина, но и для всякаго европейца. Англійскіе государственные люди, какъ на берегахъ Темзы, такъ и на берегахъ Ганга, въ послѣднее время разрѣшили этотъ вопросъ отрицательно. Ихъ официальные и неофициальные органы видятъ въ перспективѣ не нападеніе со стороны Россіи на британскія владѣнія, а только сосѣдство съ этою державою, которое, по ихъ мнѣнію, нисколько не повредитъ интересамъ Англіи, и даже будетъ выгодно для нея, но эти господа крайне ошибаются. Неугасающій въ Россіи духъ традиціонной политики, ея упорное преслѣдованіе однажды задуманныхъ плановъ, ея безпредѣльное честолюбіе, громадность средствъ, которыми она располагаетъ, все это не позволяетъ ни на минуту усумниться, что Россія будетъ упорно стремиться къ достиженію однажды предположенной цѣли. Россія желаетъ приобрѣсти Индію: во первыхъ, что бы украсить этимъ драгоценнымъ перломъ богатую діадему своихъ азіатскихъ владѣній,

ради полученія котораго она такъ долго и съ такими огромными усиліями и издержками пролагаетъ себѣ путь черезъ самыя пустынные степи въ міръ; вторыхъ, что бы облегчить себѣ распространеніе вліянія на весь мохамеданскій міръ, такъ какъ обладатель Индіи, въ глазахъ мусульманъ, означаетъ крайнюю степень могущества и величія; и наконецъ, что бы снова британскаго льва по ту сторону Гиндуку, и тѣмъ облегчить осуществленіе своихъ плановъ на Босфорѣ, Средиземномъ морѣ и во всей Европѣ, такъ такъ восточный вопросъ,—какъ теперь уже никто болѣе не сомнѣвается, легче рѣшить по ту сторону Гиндуку, чѣмъ на Босфорѣ. Если бы Россія, во время крымской войны, когда въ Севастополѣ чествовали брата Нанасамба, занимала на Сыръ-Дарѣ ту позицію, которую она теперь занимаетъ, то виды ея на Цареградъ не были бы такъ легко погребены подъ развалинами Малахова кургана.

Исполненіе этихъ обширныхъ плановъ Россіи, можетъ быть, не будетъ дѣломъ ближайшаго къ намъ десятилѣтія, и въ особенности нынѣшняго ея миролюбиваго царствованія; но кто поручится за будущее? Всякій знаетъ что въ состояніи сдѣлать Россія при нынѣшнемъ социальномъ состояніи ея подданныхъ, которое еще долгое время не измѣнится. Небезизвѣстно это, конечно, и государственнымъ людямъ Англіи. Тѣмъ удивительнѣе, что именно эти господа съ такою небрежностію разсуждаютъ о помянутыхъ возможныхъ случайностяхъ, и что они доказываютъ такими поверхностными аргументами невозможность нападенія русскихъ на Индію. Они обыкновенно указываютъ на неприступныя снѣжныя вершины Гиндуку и Гималайскаго хребта, на орды кончующихъ народовъ, которые, по ихъ мнѣнію, преградили бы идущей съ сѣвера арміи путь къ югу. Они утѣпаютъ себя мыслию, что русская армія, пройдя огромное разстояніе, достигнетъ границъ Индіи усталая, истощенная лишеніями пути, между тѣмъ какъ англійское войско, стоящее выше ея, въ отношеніи военнаго искусства и энергии, будетъ спокойно и удобно ждать непріятели. Но неужели эти господа серьезно думаютъ, что Россія, если она дѣйствительно имѣетъ намѣреніе напасть на Индію, пошлетъ туда войско прямо изъ Петербурга, Москвы или Архангельска? А южныя сибирскія укрѣпленія на что? А Ташкентъ, Ходжентъ и въ послѣдствіи также Бухара, Самаркандъ на что? А союзъ съ Персією и Афганистаномъ на что? спросимъ мы. Извѣстно что совершили русскіе козаки и линейное войско при Гунибѣ и на дикихъ неприступныхъ горахъ Кавказа. Но развѣ это войско прибыло на эту стоянку измученнымъ, истощеннымъ? А вѣдь разстояніе до этой стоянки отъ Петербурга немногимъ менѣе разстоянія Пешауэра отъ городовъ Закавказья! И на какомъ же основаніи предполагать, что русскіе непременно изберутъ трудный путь черезъ Бельхъ въ Кабуль, а оттуда черезъ хейберскій горный проходъ, а не какой нибудь другой? Не говоря

уже о томъ, что этотъ путь былъ гибеленъ для англійской арміи въ 1839 г. только потому, что она бѣжала въ страхъ и безпорядкѣ, ибо та же самая армія, при вступленіи въ Кабуль, прошла по тому же самому пути безъ особенныхъ жертвъ,—замѣтимъ, что дорога черезъ Гератъ и Кандагаръ, служащая караваннымъ путемъ въ Индію черезъ проходъ Болянъ, гораздо удобнѣе дороги на Кабуль. Правда, дорога черезъ боланское горное ущелье, идущая на протяженіи 54 или 55 англійскихъ миль, стоила англійскому отряду многодневныхъ усилій; но перевозка мортиръ 24-хъ фунтоваго калибра и пушекъ 18-ти фунтоваго, какъ сообщаетъ одинъ англійскій писатель, заслуживающій довѣрія, не представляла особенныхъ затрудненій. Или почему русскіе не могутъ избрать такъ называемой средней дороги между Индустаномъ и Хоросаномъ, именно дороги черезъ гомульскій или гулерійскій проходъ, которая, по словамъ Бёрнса, служить афганскому племени Логани главнымъ путемъ сообщенія, и которая не представляетъ никакихъ сколько нибудь значительныхъ трудностей?

Вообще мы рѣшительно не можемъ раздѣлять увѣренности англійскихъ оптимистовъ, относительно невозможности вторженія въ Индію, обусловливаемой, будто бы, непреодолимыми естественными преградами. Путь черезъ Кабуль былъ бы избранъ русскими лишь въ крайнемъ случаѣ, потому что главные пункты, съ которыхъ Россія можетъ совершенно удобно приблизиться къ границамъ Индіи—это Джюзакъ и Астрабадъ, отъ перваго въ южномъ, отъ втораго въ восточномъ направленіи. По обоимъ этимъ путямъ—отъ Джюзака и Астрабада—съ незапамятныхъ временъ ходили арміи, и благополучно достигали цѣли похода, такъ какъ оба пути, хотя и окруженные большими степями, пролегаютъ по хорошо воздѣланнымъ, даже плодороднымъ мѣстностямъ, могущимъ свободно прокормить проходящее войско, хотя бы оно состояло изъ многихъ тысячъ солдатъ.

Точно также англичане сильно преувеличиваютъ свои шансы въ войнѣ съ русскими, если бы эта война возгорѣлась. Правда, ихъ нынѣшняя армія въ Индіи, состоящая, кромѣ сильнаго контингента сипаевъ, изъ 70,000 отборнаго британскаго войска, несравненно значительнѣе тѣхъ боевыхъ силъ, какія они прежде держали въ этихъ владѣніяхъ. Россіи, конечно, трудно было бы провести черезъ Афганистанъ въ Пенджабъ такую же, по численности, армію; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе, при нашествіи на Индію, имѣли бы прочную опору въ союзѣ съ Персією и Афганистаномъ, и въ недовольствѣ, господствующемъ въ Пенджабѣ, Кашмирѣ, Потанѣ и особенно между мохамеданскимъ населеніемъ Индіи. Сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, постепенно распространяющаяся по всей Индіи, конечно, дастъ англичанамъ возможность быстро сосредоточивать и передвигать свои войска; но главный источникъ подкрѣпленія ан-

гійскихъ боевыхъ силъ въ Индіи, находящійся на берегахъ Темзы или на островахъ Средиземнаго моря, немногимъ ближе отъ театра будущей войны, чѣмъ главный источникъ военныхъ силъ русскихъ, особенно если принять въ соображеніе, что совершающіе плаваніе по Волгѣ пароходы (числомъ болѣе 300) могутъ значительно облегчить перевозку русскаго войска на южные берега Каспійскаго моря. По этому пути, пролегающему по хорошо населенной части сѣверной Персіи, можно въ короткое время провести большую армію, именно—съ одной стороны черезъ Астрабадъ. Будшнурдъ и Кабушанъ, а съ другой—по желѣзной дорогѣ (пока еще только проектированной). Эту желѣзную дорогу Россія, какъ увѣряетъ, хочетъ построить для облегченія пути богомольцамъ, ходящимъ на поклоненіе гробу имама Ризы; но нельзя не замѣтить, что, общія денежная пособіе на постройку дороги, русскіе имѣли въ виду и другія не религіозныя цѣли. Въ виду почти несомнѣнной возможности нападенія русскихъ на Индію, англичанамъ не мѣшало бы также обратить вниманіе на политическія созвѣздія, которыя Россія счумѣла расположить благоприятнымъ для себя образомъ на дипломатическомъ горизонтѣ. Если уже при Наполеонѣ I существовалъ союзъ между Россією и Францією, оставившій замѣтные слѣды въ Тегеранѣ, то теперь, при томъ преобладающемъ вліяніи, которое Франція приобрѣла въ Египтѣ и Сиріи въ слѣдствіе прорытія суэскаго канала, подобный союзъ было бы еще легче устроить. Но, независимо отъ этого, для осуществленія плана Россіи, можетъ быть весьма полезнымъ «сердечное согласіе» между петербургскимъ и вашигтонскимъ кабинетами, — согласіе, все болѣе и болѣе усиливающееся. Обыкновенно смѣются надъ тѣмъ, что республиканцы сошлись съ монархистами, но я позволю себѣ спросить: развѣ банкеты на берегахъ Невы въ честь заатлантическихъ друзей, поѣздка русскаго флота въ Нью-Йоркъ, приобрѣтеніе Америкой большаго вліянія въ Китаѣ и Японіи, гдѣ она, повидимому намѣревается обратить Тихій Океанъ въ американское озеро — развѣ все это не служитъ достаточнымъ основаніемъ, что бы видѣть въ русскоамериканскомъ союзѣ величайшую опасность для интересовъ Англіи? Да, въ рѣшительную минуту, когда придетъ пора дѣйствовать, Россія будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи множество путей и средствъ, которые теперь подготавливаются втихомолку, и на которые англійскіе государственные люди не считаютъ нужнымъ обращать вниманія.

Но мы, пожалуй, готовы согласиться, что настоящее столкновение двухъ колоссовъ въ Индіи послѣдуетъ лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ; мы не обидимся, если наши предсказанія назовутъ ложнымъ пророчествомъ. И въ такомъ случаѣ, для насъ всетаки остается непонятнымъ, какимъ образомъ англій-

скіе государственные дѣятели могутъ считать приближеніе своего сѣвернаго соперника къ Индіи безвреднымъ, какимъ образомъ могутъ они скрывать или умалять опасность, грозящую Англіи съ этой стороны?

Всякій разъ, когда этотъ вопросъ появляется на сцену, хоръ дружелюбныхъ Россіи англійскихъ политиковъ твердитъ одно и тоже, именно, что имъ пріятнѣе имѣть сосѣдомъ благоустроенное государство, чѣмъ кочующія племена, живущія разбоемъ и не знающія никакого общественнаго порядка. Одинъ англичанинъ даже спросилъ у меня: развѣ я не предпочелъ бы сидѣть возлѣ изящнаго джентльмена, вмѣсто того, что бы имѣть въ сосѣдствѣ грубаго, грязнаго кочевника? Англійскіе политики поздравляютъ себя съ сосѣдствомъ Россіи, но для меня рѣшительно непостижимо, почему эти господа желаютъ имѣть сосѣдомъ лучше хитраго и могущественнаго противника, чѣмъ грубаго, правда, но зато безсильнаго врага. Что случилось нѣкогда въ Америкѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ самой Индіи между возраставшею Англіею съ одной стороны и упадавшими Голландіею и Португаліею—съ другой, то уже часто повторялось и неразъ еще повторится на страницахъ исторіи. Какъ въ обыкновенной жизни двѣ сильныя эгоистическія личности рѣдко могутъ поладить между собою на одной и той же дорогѣ, такъ точно не могутъ поладить и два государства, доказательствомъ чего служить, между прочимъ, продолжительная война Англіи съ Франціею изъ за преобладанія въ Индіи. Хотя бы Россія была одушевлена самыми лучшими наміреніями, но можетъ ли она, которая опирается на исполинскую мощь всего азіатскаго материка, она, которая цѣлыя сто лѣтъ упорно преслѣдуетъ свою политику въ степяхъ Средней Азіи, не шадя трудовъ и издержекъ,—можетъ ли она, подстрекаемая къ тому же своими соучастниками, устоять противъ искушенія осуществить свои планы? Будетъ ли она на столько воздержна, что бы не воспользоваться удобнымъ случаемъ прибрать къ своимъ рукамъ 30 миллионное мохамеданское населеніе Индіи? Индійскіе мохамедане, самые фанатическіе изъ всѣхъ послѣдователей ислама, питаютъ непримиримую ненависть къ британскому господству. Ихъ религіозная ревность, поддерживаемая съ одной стороны бухарцами, а съ другой вехабитами, доходитъ до того, что нѣрѣдко какойнибудь изувѣръ, ради стяжанія себѣ мученическаго вѣнца, убиваетъ невиннаго англійскаго офицера, прогуливающагося по базару, и затѣмъ самъ кладетъ свою голову подъ топоръ палача. Въ Индіи, гдѣ религіозныя бредни искони находили для себя самую плодородную почву, исламъ облекся въ странныя, совершенно своеобразныя формы. Возникшія въ эпоху тимуридовъ братства развились здѣсь сильнѣе, и получили, большее значеніе, чѣмъ гдѣ либо, и не только Суатъ, но и каждая мѣстность въ Индіи имѣетъ своего Ахонда, на призывъ котораго къ *джиаду* охотно откликнутся тысячи поклонниковъ

*

пророка. Несмотря на многообразныя благодѣянія, оказанныя мохамеданамъ англійскимъ правительствомъ, они одни образуютъ въ Индостанѣ очагъ революцій; они одни, во время послѣднихъ смутъ, поддерживали бунтъ; они одни приходятъ въ восторгъ при мысли о завоеваніи Индіи русскими, и повсюду проповѣдуютъ о благахъ московскаго господства.

Не можемъ при этомъ случаѣ не вспомнить и объ армянахъ, которые, будучи разсыпаны по Персіи и Индіи, составляютъ такъ сказать отдѣльныя кольца той цѣпи, посредствомъ которой петербургскій кабинетъ проводитъ электрическій токъ своего вліянія съ береговъ Невы къ берегамъ Ганга, и даже къ берегамъ Явы и Суматры. Дѣятельные и богатые армяне, которые въ отношеніи религіознаго духа болѣе католики, чѣмъ самъ папа, болѣе православные, чѣмъ сами русскіе, конечно, не станутъ восхвалять туземцамъ Индіи протестантскую церковь и протестантскую державу, въ ущербъ православной Россіи. Сколько вѣрныхъ британскихъ подданныхъ, живущихъ въ Калькутѣ, Бомбей и Мадрасѣ, числятся въ Петербургѣ ревностными поборниками русскихъ интересовъ! Каждого члена армянской церкви въ Азіи можно считать тайнымъ агентомъ русской политики, и когда настанетъ рѣшительная минута, то англичане изумятся при видѣ мгновеннаго превращенія этого религіознаго нравственнаго миролюбиваго и промышленнаго народа.

Зная все это, мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ Англія можетъ равнодушно смотрѣть, какъ, въ сосѣдствѣ съ ея владѣніями, гдѣ находятся такіе легко воспламеняющіеся элементы, утверждается сильная и конечно не дружественная ей держава; не говоримъ уже: какимъ образомъ Англія можетъ *желать* этого сосѣдства? «Торговля усилится,» говорятъ намъ со всѣхъ сторонъ; но я подозреваю, что это мнѣніе о коммерческихъ выгодахъ, усматриваемыхъ англійскими государственными дѣятелями въ приближеніи русскихъ къ границамъ Индіи и въ прекращеніи анархіи въ Средней Азіи, есть скорѣе фраза, придуманная въ видѣ утѣшенія, чѣмъ искреннее убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно какъ то вѣрить, что бы люди съ такимъ практическимъ смысломъ, какъ англичане, могли хотя на одну минуту предаться несбыточной надеждѣ, что осуществленіе плановъ Россіи, преслѣдуемыхъ съ давняго времени и стоившихъ ей столькихъ усилій и жертвъ, можетъ принести какую нибудь пользу Англіи, что на среднеазіатскихъ рынкахъ, когда они подпадутъ подъ русское владычество, англійскій товаръ получить перевѣсъ. Г. Дэвисъ постоянно указываетъ съ радостію, въ своихъ торговыхъ отчетахъ, на значительное усиленіе въ послѣдніе годы отпускной торговли, которую англичане ведутъ съ Среднею Азіею, черезъ Пешаверъ, Карачи и Ладакъ; но и онъ, вѣроятно, согласится, что эта торговля увеличилась бы въдесятеро, если бы находила опору въ распространеніи англій-

скаго вліянія по ту сторону сѣверной границы Индіи. Даже и нынѣшняя торговля англичанъ въ Средней Азій будетъ уменьшаться въ той мѣрѣ, въ какой русскій орелъ станетъ распространять свои крылья надъ этою страной. Петербургскій кабинетъ, по наружности, далъ согласіе на планъ лорда Вилліама Гэ (Нау) устроить путь черезъ Ладакъ, Яркендъ, Исыкъ-Куль и Семипалатинскъ, но ни одному русскому государственному дѣятелю никогда и въ голову не приходило оказать на дѣлѣ поддержку этому плану. Китайцы въ отношеніи меркантильнаго духа превосходятъ не только русскихъ, но и самихъ англичанъ; однако же и они, въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, не проникаютъ за предѣлы Маймачина, такъ что изъ Кяхты китайскій товаръ идетъ въ Петербургъ и въ Европу большею частію уже черезъ руки русскихъ торговцевъ. Или припомнимъ италіанскихъ торговцевъ шелкомъ, которые подъ покровительствомъ Россіи отправились въ Бухару, гдѣ ихъ арестовали и лишили всего имущества. Изъ разсказа одного изъ нихъ (Гавацци) ясно видно, что онъ всегда смотрѣлъ подозрительно на русскія рекомендацiонныя письма, не взирая на всѣ послѣдующія ходатайства петербургскаго кабинета объ освобожденіи его товарищей. Произведенія англійской фабричной промышленности обыкновенно повсюду вытѣсняють съ рынка русскія мануфактурныя издѣлія. Купцы хивинскіе и бухарскіе уже теперь привозятъ изъ Нижняго Новгорода и Оренбурга русскіе товары, которые и продаютъ подъ именемъ *инглизъ мали* (англійскій товаръ), такъ какъ среднеазіатцы всегда отдають предпочтеніе англійскому товару. Англичане забываютъ, что русская политика не отличается большимъ прямушемъ, и что русскіе на открытыхъ ихъ оружіемъ торговыхъ путяхъ навѣрно создадутъ для иностранцевъ не менѣе значительныя препятствія, чѣмъ тѣ, которыя теперь на торговомъ пути къ Аму-Дарѣ представляютъ разбойничество афганцевъ и анархія между узбекскимъ населеніемъ. Въ 1864—65 году одна Америка сбыва въ Индіи шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій болѣе чѣмъ на 15 милліоновъ фунтовъ стерл., что, разумѣется, возможно только при свободныхъ учрежденіяхъ Англіи. Неужели калькутскіе политики воображаютъ, что и Россія предоставитъ другимъ народамъ полную свободу вести торговлю въ Средней Азій?

Къ сожалѣнію, такъ же несостоятельны и сужденія англичанъ о будущей политикѣ Россіи относительно Индіи. Какъ все зданіе неприступности Индіи, построенное пылкимъ воображеніемъ нынѣшнихъ государственныхъ людей Англіи, разлетается въ прахъ, при первомъ прикосновеніи критики, такъ точно и доводы ихъ въ пользу будущаго «сердечнаго согласія» съ Россіею весьма шатки. Но вмѣсто того, что бы опровергать эти доводы,—что было бы бесполезнымъ трудомъ, мы лучше укажемъ на сдѣланные промахи, и поговоримъ о средствахъ, при помощи которыхъ и теперь еще можно было бы устранивъ вѣроятность не-

посредственнаго столкновѣнія, можно было бы избѣжать этой весьма опасной для англійскихъ интересовъ азартной игры.

IV.

Преимущества русской и невыгоды англійской политики.

Что бы лучше понять промахи, сдѣланные англійскими политиками въ отношеніи своихъ соперниковъ, русскихъ, необходимо принять въ соображеніе тѣ преимущества, которыми послѣдніе всегда пользовались и теперь пользуются на полѣ дѣйствія. Въ Европѣ обыкновенно смотрятъ съ изумленіемъ на гигантское царство русскихъ въ Азіи, но никому и въ голову не приходитъ спросить себя: что именно всего болѣе помогло русскимъ достигнуть этого господства на Востока? Русскіе — азіатцы, не столько по происхожденію, сколько по географическому положенію и социальному быту, и, соединяя въ своемъ характерѣ апатію азіатца со стойкостію и рѣшимостію европейца, они, лучше чѣмъ кто либо, умѣютъ обходиться съ азіатскими народами. Въ столкновѣніяхъ съ китайцами, татарами, персіянами, черкесами, турками, русскіе всегда приспособлялись къ обстоятельствамъ: съ китайцами они были сами китайцы, съ татарами — сами татары, и т. д. Одинъ англійскій историкъ говорить, хотя не безъ нѣкотораго раздраженія, но во всякомъ случаѣ довольно вѣрно, что образъ дѣйствія русскихъ въ отношеніи азіатскихъ народовъ всегда походилъ на образъ дѣйствія тигра въ отношеніи своей будущей добычи. «Онъ сначала осторожно подкрадывается ползкомъ, и трусливо пресмыкается въ прахѣ, пока не выждетъ благоприятной минуты, когда можно съ увѣренностію сдѣлать роковой прыжокъ. Ихъ сладкорѣчивые эмиссары часто успѣваютъ устранить всякое опасеніе, всякое подозрѣніе, и ласкаютъ жертву до тѣхъ поръ, пока осуществленіе ихъ плановъ сдѣлается до того несомнѣннымъ, что всякое опасеніе и всякія мѣры предосторожности со стороны жертвы были бы совершенно напрасны. Поэтому, мы въ правѣ назвать измѣнникомъ отечества всякое правительство, которое дремлетъ при приближеніи русскихъ къ его границамъ, какъ бы медленно ни совершалось это приближеніе, какъ бы ни было велико разстояніе, отдѣляющее завоевателя отъ цѣли его стремленій». Будучи азіатцами, русскіе не отличаются отъ своихъ сосѣдей, въ отношеніи нравовъ, обычаевъ и образа мыслей, такъ рѣзко, какъ англичане, которые стоятъ на болѣе высокой степеніи цивилизации, и для которыхъ, поэтому, было бы невыносимо отказаться отъ европейскихъ понятій, и влѣзть въ шкуру азіатца. Русскіе очень рѣдко могутъ оскорбить образъ мыслей азіатскихъ народовъ, и чрезвычайно легко приспособляются къ нему, когда того требуютъ ихъ выгоды. Въ Англій правительствомъ, до послѣдняго времени, считало унижительнымъ для себя вступать въ прямыя сношенія съ бухарскимъ эмиромъ, и всѣ

сношенія съ нимъ производились черезъ остиндскаго генералъ-губернатора. Въ Россіи думаютъ иначе, и еще не очень давно русскій государь, въ сношеніяхъ съ татарскими князьями Средней Азіи, именовался не императоромъ всероссійскимъ, а невскимъ ханомъ. Послѣдствія такого образа дѣйствія мы теперь видимъ въ томъ, что всѣ народы, соприкасающіеся съ пограничною чертою Россіи на азіатскомъ материкѣ, какъ кочующіе, такъ и осѣдлые, какъ буддисты, такъ и мохамедане, нисколько не чуждаются русскихъ, и живутъ съ ними въ короткихъ отношеніяхъ, если не въ дружбѣ, — чего въ такой степени нигдѣ нельзя встрѣтить въ заграничныхъ владѣніяхъ другой европейской державы.

Эти выгоды азіатскаго образа мыслей, усвоеніе котораго можно считать верховъ хитрости, и въ области политическихъ сношеній приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ прямотушіе и справедливость, искони отличающія образъ дѣйствія англичанъ. Только враги Великобританіи въ Европѣ, только завистники ея могущества, могутъ упрекать англичанъ въ отношеніи ихъ образа дѣйствія въ Индіи; но кто знаетъ характеръ ея политическихъ сношеній съ туземными властителями и съ сосѣдями, и кто, съ тѣмъ вмѣстѣ, близко изучилъ натуру азіатца, тотъ увидитъ въ совершенномъ отсутствіи въ англійской политикѣ этихъ недостатковъ ошибку государственныхъ дѣятелей Англіи.

Изучая исторію завоеваній Россіи на азіатскомъ материкѣ, отъ обширной Амурской области до самыхъ ничтожныхъ владѣній, приобрѣтенныхъ въ послѣднее время, мы видимъ, что всегда и вездѣ вторженію предшествуетъ одна и та же политика интригъ и козней, сѣяніе сѣмянъ раздора, подкупъ, приманка, при помощи самыхъ неблаговидныхъ средствъ. Сначала обыкновенно завязываютъ торговыя сношенія съ туземцами; затѣмъ пользуются какою нибудь пустѣйшею ссорой, чтобы создать изъ нея, говоря языкомъ дипломатовъ, *cas belli*, т. е. поводъ къ войнѣ; гдѣ не представляется такого повода, тамъ подкапываютъ почву посредствомъ эмиссаровъ, стараются сманить князьковъ подарками, или отгуманить ихъ щедрымъ даваніемъ водки, и тѣмъ втануть въ безвыходный очарованный кругъ. Основательную причину къ войнѣ, къ нашествію, трудно было бы найти, и колоссальная имперія русскихъ создана не столько силою ихъ оружія, сколько кознями ихъ азіатскихъ политиковъ. Далѣе, русскіе, въ слѣдствіе своихъ вышепомянутыхъ качествъ, гораздо лучше знакомы съ положеніемъ дѣлъ у азіатскихъ народовъ, гораздо лучше знаютъ обо всемъ, что происходитъ въ сосѣднихъ азіатскихъ странахъ, чѣмъ англичане и другіе европейцы. Благодаря неуспынной бдительности своихъ эмиссаровъ и неутомимому рвенію своихъ дипломатовъ, петербургскій кабинетъ, часто о самыхъ тайныхъ событіяхъ въ сосѣдней странѣ, узнаетъ скорѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ само туземное правитель-

ство. Независимо отъ того, что въ Петербургѣ существуетъ специальное общество, имѣющее возможность извлекать пользу изъ практическаго знакомства его членовъ съ различными частями Азии, — Россія не рѣдко употребляетъ какого нибудь киргиза, бурята, черкеса или монгола, которому дано русское воспитаніе, своимъ орудіемъ, въ его исполнѣ или наполовину покоренномъ отечествѣ.

Въ Англіи мы видимъ совершенно противоположное.

Кто знаетъ, какъ мало знакома англійская публика съ событіями въ Индіи и съ положеніемъ дѣлъ въ странахъ, граничащихъ съ громадною англоиндіею имперіею; кто читаетъ нелѣпныя и смѣшныя извѣстія и телеграфическія депеши въ англійскихъ газетахъ, идущія, черезъ Бомбей и Калькутту, въ Европу и Англію, кто знаетъ, какъ незначительно въ Англіи число государственныхъ дѣятелей, получающихъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Азии и могущихъ здраво судить въ вопросахъ восточной политики, — тотъ невольно изумится, какимъ образомъ Великобританія основала свои виѣвропейскія владѣнія, не говоря уже о томъ, какимъ образомъ она могла до сихъ поръ удерживать ихъ за собою.

Англичане, даже тѣ, которые давно живутъ въ Азии, обыкновенно, въ слѣдствіе своего національнаго характера, чуждаются туземцевъ, и весьма рѣдко знакомы съ ихъ языкомъ и обычаями. Въ слѣдствіе этого, англійское правительство принуждено ввѣрять должность драгомана, служащаго существеннымъ органомъ взаимныхъ сношеній, даже при такихъ важныхъ посольствахъ, какъ посольство въ Константинополь, натурализованнымъ (принятымъ въ подданство Англіи) левантцамъ, а не англичанамъ. Между тѣмъ какъ въ Россіи, Франціи и Австріи давнымъ давно уже существуютъ спеціальныя академіи и школы восточныхъ языковъ, для приготовленія молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя дипломатической службѣ на Востокъ; въ Англіи, несмотря на огромныя денежныя средства, которыми обладаютъ тамошнія коллегіи и университеты, никому и въ голову не приходило устроить подобное учрежденіе. Точно также, въ палламентѣ и въ министерствѣ, гдѣ часто найдешь специалистовъ по самымъ мелочнымъ вопросамъ, есть весьма немного компетентныхъ людей въ отношеніи такого важнаго предмета, какъ положеніе дѣлъ въ Азии, да и эти немногіе, благодаря господствующей въ англійской правительственной машинѣ системѣ непотизма, очень рѣдко имѣютъ возможность примѣнить къ дѣлу свои знанія и опытность.

Это крайнее равнодушіе англичанъ къ азіатскимъ дѣламъ невольно поражаетъ cadaго иностранца; но еще удивительнѣе то, что отъ людей, принадлежащихъ къ либеральной партіи въ Англіи, вы слышите иногда фразы, въ родѣ слѣдующей: «Что намъ за дѣло до Азии, до кучки варварскихъ народовъ, которые въ результатѣ приносятъ намъ болѣе хлопотъ, чѣмъ

пользы; что намъ за дѣло до богатой Индіи, доходы съ которой еще долгое время не будутъ покрывать расходовъ по управленію ея, не говоря ужъ объ издержкахъ покоренія? Замѣчанія подобнаго рода мнѣ не рѣдко случалось слышать отъ знаменитѣйшихъ вождей этой партіи. Что высказываемыя ими сужденія вполнѣ искренни, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но я никогда не могъ добиться отвѣта, когда спрашивалъ: чѣмъ же думаютъ вознаградить утрату политическаго вліянія, возникающаго изъ имѣнія обширныхъ колониальныхъ владѣній? Эти господа, повидимому, совершенно забываютъ, что огромное множество молодыхъ англичанъ изъ всѣхъ сословій начинаютъ въ Индіи свою политическую и военную каррьеру; забываютъ, что множество сыновей изъ духовнаго и военнаго званія, не находя для себя въ тѣсныхъ предѣлахъ своего отечества приличнаго круга дѣятельности, отправляются въ Индію, и, обогатившись тамъ на доходныхъ мѣстахъ, возвращаются на родину спокойно проживать сколоченную въ лѣта юности копѣйку; господа, о которыхъ мы говоримъ, повидимому, совершенно упускаютъ изъ вида огромное число купцовъ, которые ведутъ обширныя торговыя дѣла въ азіатскихъ владѣніяхъ Англіи, и въ рукахъ которыхъ англійскій капиталъ увеличивается милліонами! Крайне близоруки должны быть эти либералы, которымъ обладаніе такою колоніею, какъ Индія, кажется неважнымъ, или даже бесполезнымъ. Впрочемъ, мнѣніе ихъ, что величіе Англіи должно основываться на цвѣтущемъ состояніи ея фабричнаго производства, а не на господствѣ надъ азіатскими народами, нельзя считать мнѣніемъ всего англійскаго общества, особенно въ настоящее время, когда въ Индіи только въ одни предпріятія по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, положено англійскаго капитала болѣе шестидесяти милліоновъ фунт. стерл.; ибо ни огромная производительность англійскихъ фабрикъ, ни предпримчивость англійскихъ торговыхъ дѣятелей, не могутъ достигнуть особенныхъ успѣховъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ опоры въ англійскомъ господствѣ, доказательствомъ чего служатъ торговыя сношенія англичанъ съ Алжиріею и Среднею Азіею и другими небританскими владѣніями внѣ Европы.

Этотъ ошибочный взглядъ англійскихъ политическихъ дѣятелей обратилъ во вредъ всѣ преимущества, отличающія политику Англіи въ сравненіи съ русскою, которая преслѣдуется съ необыкновенною стойкостію и послѣдовательностію. Этому ошибочному взгляду и слѣдуетъ приписать то, что Россія въ невѣроятное короткое время стала могущественнымъ соперникомъ, близко подошедшимъ къ ахиллесовой пятѣ Великобританіи. Въ настоящее время, когда Россія утвердилась на Каспійскомъ и на Аральскомъ моряхъ, когда она совершенно покорила Кавказъ и приобрѣла огромныя выгоды въ Средней Азіи, было бы бесполезно стараться вытѣснить эту колоссальную державу изъ занятыхъ ею позицій. Что еще лѣтъ двадцать тому назадъ

можно было бы сдѣлать безъ особаго труда, то теперь уже рѣшительно невыполнимо, и если Англія не желаетъ подвергнуться обыкновенной участи торговыхъ государствъ, участі Кароагена, Венеціи, Генуи, Голландіи и Португаліи, то ей остается только одно средство спасенія: неуспыная бдительность за дѣйствіями своего соперника и немедленное принятіе всѣхъ, какія еще возможны, мѣръ предосторожности.

V.

Совѣты Англіи, какъ отвратить грозящую ей опасность.

Вступить теперь въ открытую борьбу съ возрастающимъ могуществомъ Россіи, было бы со стороны Англіи такою же ошибкою, какъ и то странное бездѣйствіе, въ которомъ Англія пребывала послѣднія двадцать пять лѣтъ, въ виду всего совершающагося въ Средней Азіи. Россія утвердится на правомъ берегу Аму-Дарьи, присоединитъ къ своимъ владѣніямъ три средне-азіатскія ханства, а можетъ быть также и китайскую Татарію, и покоритъ своей власти все узбекское населеніе Туркестана. Воспрепятствовать этому теперь уже нельзя; но англичане должны, по крайней мѣрѣ, тутъ преградить путь своему сопернику, должны не допускать его до дальнѣйшихъ завоеваній.

Пространство, лежащее между рѣками Аму-Дарьею и Индомъ, должно остаться нейтральнымъ. Афганистанъ, по физическимъ условіямъ его мѣстности и по воинственному характеру его жителей, отличающихся съ тѣмъ вмѣстѣ—и это главное—большою склонностію къ дипломатическому образу дѣйствій, могъ бы служить прекрасною военною и политическою преградой, при существованіи которой столкновеніе двухъ колоссовъ въ Азіи сдѣлалось бы невозможнымъ. Покореніе этой страны стоило бы завоевателю, все равно откуда бы онъ ни пришелъ—съ сѣвера или съ юга, десятикратное болѣе упорной борьбы, чѣмъ, напримѣръ, покореніе Кавказа. Кромѣ того, обладаніе Афганистаномъ далеко не вознаграждаетъ трудовъ и издержекъ завоеванія его. Постоянныя смуты, царствующія въ этой гористой странѣ, не могутъ принести никакой пользы ни одному изъ сосѣдей; но, съ другой стороны, и опасность отъ этихъ смутъ не такъ велика, что бы могла оправдать завоевательные планы Россіи или Англіи въ отношеніи къ Афганистану.

Какимъ образомъ Англія можетъ обезпечить нейтралитетъ Афганистана на случай, если бы Россія стала преслѣдовать дальѣе свою завоевательную политику? Что должны англичане дѣлать, что бы, не являясь въ Афганистанѣ, въ качествѣ завоевателей, воздвигнуть въ этой странѣ, при помощи своего вліянія, прочную преграду планамъ Россіи?

Достигнуть этой цѣли можно путемъ искусныхъ дипломатическихъ сношеній съ Афганистаномъ, путемъ непрерывныхъ съ

имъ связей, которыя поддерживались бы чрезъ посредство агентовъ, хорошо знакомыхъ съ характеромъ афганцевъ, и умѣющихъ въ обращеніи съ ними вполне усвоить себѣ образъ мыслей и обычаи азіатца.

Какъ лордъ Оклендъ (Auckland), бывшій остиндскій генералъ-губернаторъ, сдѣлалъ ошибку, вмѣшавшись, въ 1839 г., фактически въ дѣла Афганистана, такъ и преемники его впади въ такую же, и даже болѣе важную, ошибку, относясь съ полнымъ и систематическимъ безучастіемъ къ событіямъ и положенію дѣлъ въ этой сосѣдней странѣ. Въ этомъ случаѣ англичане поступали, какъ ребенокъ, который, разъ обжегшись, долгое время не рѣшается близко подойти къ огню. Катастрофа, которою кончилась злополучная афганистанская кампанія 1839 г., и тридцать миллионъ фунт. стерл., которые потрачены на эту кампанію, и теперь еще, по прошествіи четверти столѣтія, такъ живо сохраняются въ памяти каждаго британца, что онъ приходитъ въ ужасъ, даже при мысли о распространеніи англійскаго вліянія за хребетъ Гиндуку. Англичане изъ одной крайности впади въ другую. Сначала они вооружаются съ ногъ до головы для защиты дѣла каковаго нибудь шаха Седжи, нелюбимаго народомъ, а потомъ, по присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Пенджаба, не обращаютъ на Кабулъ ни малѣйшаго вниманія. И почему это они такъ боятся переступить за предѣлы Пешавера? Если многія тысячи афганцевъ разныхъ племенъ ежегодно переходятъ черезъ сѣверную границу Индостана, отчасти съ коммерческою цѣлію, отчасти въ видахъ отысканія болѣе обильныхъ пастбищъ для своихъ стадъ, то почему бы и англійскимъ путешественникамъ не отваживаться проникать за Гиндуку, или даже удалаться на нѣсколько часовъ пути отъ Пешавера въ глубь страны? Афганскіе купцы ведутъ обширную торговлю съ Мультаномъ, Дели, Лагоромъ, отчего бы и англійскіе торговые дома не могли посылать своихъ агентовъ для той же цѣли въ Кабулъ?

Да, такое положеніе дѣлъ всегда удивляло меня, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ, что англійскій офицеръ, посланный сэромъ Джономъ Лоренсомъ въ Кабулъ, для принесенія поздравленія Ширъ-Али-хану, ходилъ тамъ всегда въ сопровожденіи сильнаго отряда войска, что бы не сдѣлаться жертвою ярости фанатическаго населенія. Смѣшно давать азіатцамъ уроки въ европейскомъ великодушіи и любви къ справедливости. Англія, которая давно уже дѣйствуетъ такимъ образомъ съ жителями Востока, походить на человѣка, который хочетъ, во что бы то ни стало, заставить слѣпаго восхищаться рафаэлевскими картинами. Россія въ этомъ отношеніи далеко практичнѣе. Она знаетъ, что восточный человѣкъ только посмѣется надъ подобными доказательствами великодушія и гуманности, и станетъ злоупотреблять ими для своихъ цѣлей. Англія поступала бы гораздо благоразумнѣе, если бы, вмѣсто проповѣдыванія морали

жителямъ Востока, дѣйствовала съ ними тѣмъ же оружіемъ, какое они употребляютъ, и обращалась съ азіатцами поазіатски, а не поевропейски.

Когда мученики Конолли и Стодартъ томились въ тяжкомъ заключеніи, изъ котораго ихъ освободилъ потомъ топоръ палача, на англоиндійской территоріи находилось не мало бухарцевъ, коканцевъ и другихъ среднеазіатцевъ, задержаніемъ которыхъ можно было бы облегчить участь этихъ плѣнныхъ англійскихъ офицеровъ, и даже избавить ихъ отъ смерти. Россія въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно тотчасъ прибѣгаетъ къ праву возмездія. Англія не сдѣлала этого. Она хотѣла разыграть великодушнаго, но спрашивается—что же она выиграла этимъ? Будучи въ Бухарѣ, я имѣлъ случай убѣдиться, какъ мало достигъ цѣли этотъ великодушный поступокъ Англіи въ отношеніи бухарскаго эмира. Бухарцы говорятъ, что Англія боится навлечь на себя гнѣвъ эмира, что она, въ слѣдствіе своей слабости, вынуждена была показывать такую умѣренность въ отношеніи Бухары.

Неужели калькутскіе политики воображаютъ, что афганцы думаютъ иначе? Афганцы говорятъ тоже самое: «наши торговцы индигомъ и пряными кореньями, наши продавцы верблюдовъ, охраняемые могуществомъ и величіемъ ислама, могутъ безопасно отправляться на британскую землю, между тѣмъ какъ къ намъ не смѣетъ показаться ни одинъ невѣрный».

Ту же непростительную слабость выказалъ вице-король Ост-Индіи въ 1857 г., когда лордъ Каннингъ послалъ его въ Пешаверъ, что бы тамъ, сообщая съ Эдвардсомъ, заключить оборонительный и наступательный союзъ съ пріѣхавшимъ въ этотъ городъ Достъ-Мохамедъ-ханомъ. Афганцы въ то время находились въ крайне затруднительномъ положеніи: они нуждались въ деньгахъ и въ оружіи, что можно было замѣтить изъ каждаго слова сѣдаго хана, бывшаго въ сопровожденіи своихъ сыновей. И, несмотря на то, всѣ его желанія были удовлетворены въ точности, а онъ не согласился ни на одно изъ главныхъ условій, поставленныхъ Англіею. Афганцамъ было обѣщано 4,000 штукъ оружія (штыковъ, сабель и патронташей) и 12 лакъ рупій ежегодно во все время, пока Великобританія будетъ находиться въ войнѣ съ Персіею. Изъ этой значительной суммы они получили, даже послѣ заключенія мира, еще порядочную долю, а между тѣмъ главная цѣль переговоровъ, веденныхъ англичанами въ Кабулѣ и Кандагарѣ — имѣть въ Афганистанѣ постоянныхъ дипломатическихъ представителей Англіи, не была достигнута. Достъ-Мохамедъ-ханъ объявилъ, какъ рассказываетъ Кэ (Кэе), въ своей *«Исторіи послѣдняго возстанія сипаевъ»*, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за подобную мѣру; что онъ не можетъ охранить англійскихъ агентовъ отъ фанатизма афганскаго населенія; что эти агенты подвергаются опасности на каждомъ шагу, и т. д.

Для меня рѣшительно непонятно, какъ Джонъ Лоренсъ, который принадлежитъ къ числу немногихъ, знающихъ характеръ азіатцевъ, могъ повѣрить клятвамъ и ложнымъ опасеніямъ хитраго старика. Если въ Кандагарѣ, какъ сказалъ самъ же Достъ-Мохамедъ, англійская миссія живетъ спокойно, не подвергаясь преслѣдованію со стороны туземцевъ, то почему не могла бы существовать подобная миссія и въ Кабулѣ? Британскіе комиссары сильно ошибались, если усумнились хотя на минуту во всемогущество афганскаго хана. Немного болѣе настойчивости съ ихъ стороны, и англичане, явившіеся тогда спасителями въ нуждѣ, добились бы учрежденія не только двухъ, а многихъ посольскихъ постовъ. Афганцы скоро привыкли бы къ присутствію англійскихъ агентовъ, и дипломатическія сношенія, разъ установленныя, могли бы поддерживаться непрерывно.

Теперь сэръ Джонъ Лоренсъ, въ одной полуофіціальной статьѣ, напечатанной въ «Edinburgh Review» (январь 1867 г.), старается доказать, что трудно и бесполезно вступать въ дипломатическія сношенія съ такими дикими народами, какими окружена со всѣхъ сторонъ Индія. Отчего бы индійскому вице-королю не поучиться въ этомъ случаѣ у Россіи, которая граничитъ съ подобными же народами, но которая, несмотря на то, шлетъ къ своимъ среднеазиатскимъ сосѣдямъ посла за посломъ, умѣетъ заставить уважать себя, и такимъ образомъ постоянно подвигается къ желаемой цѣли? Отчего Англія не слѣдуетъ въ Средней Азіи той же политикѣ, съ какой она нѣкогда начала въ Китаѣ, Японіи и въ другихъ азіатскихъ странахъ? Мнѣ кажется, что остиндскіе политики поступаютъ такъ не столько въ слѣдствіе того, что убѣждены въ трудности исполненія этого предпріятія, сколько въ слѣдствіе того, что не предвидятъ отъ послѣдняго большой пользы для себя. Но неужели эти господа не понимаютъ, какую огромную пользу принесло бы, какъ для интересовъ Англіи, такъ и для самыхъ афганцевъ, существованіе постоянного англійскаго посольства въ Афганистанѣ?

Образъ дѣйствій сэра Генри Раулинсона, который съумѣлъ долго и съ успѣхомъ держаться въ Кандагарѣ въ самомъ опасномъ положеніи и въ самое критическое время, служить блистательнымъ доказательствомъ того, что можно ладить съ самыми грубыми азіатцами. Если этотъ офицеръ могъ сдѣлать такъ много, находясь въ грозной роли завоевателя, то чего нельзя было бы достигнуть путемъ дипломатической тактики, путемъ дружескихъ переговоровъ и убѣжденій?

Осознательныя послѣдствія непрерывныхъ дипломатическихъ сношеній англичанъ съ Афганистаномъ были бы, если не ошибаемся, слѣдующія:

1) Эти сношенія принесли бы огромную пользу торговлѣ. Такъ какъ англійскій товаръ уже давно пользуется въ Средней

Азіи хорошею славою, то произведенія англійской промышленности, если бы они привозились прямо изъ Англіи, безъ всякаго сомнѣнія, вытѣснили бы съ рынка менѣе цѣнные русскіе продукты. Теперь этого нѣтъ,—теперь на базарахъ Кабула, Кандагара, Герата и другихъ мѣстъ многіе русскіе товары, какъ, напримѣръ, желѣзные издѣлія и инструменты, грубый ситецъ, шерстяныя матеріи, находятъ гораздо большій сбытъ, чѣмъ однородные съ ними англійскіе,—единственно потому, что первые продаются дешевле, чѣмъ англійскій товаръ, цѣна котораго, уже первоначально болѣе значительная, чѣмъ цѣна русскаго, удваивается въ слѣдствіе издержекъ перевозки при транзитной торговлѣ. Въ Бухару, нѣкоторыя мѣста Хивы и въ Карши русскіе купцы пріѣзжаютъ сами, и, опираясь на энергическую поддержку своего правительства, могутъ конечно лучше соблюдать свои интересы, чѣмъ черезъ посредство иностранныхъ коммиссіонеровъ. Невозможно найти лучшаго проповѣдника и проводника цивилизаціи, чѣмъ торговля, чѣмъ эти нѣмныя токи товаровъ, привозимые изъ Европы, и Англія должна заботиться объ облегченіи торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею, не только ради коммерческихъ выгодъ, но также и для цѣлей распространенія европейской образованности между среднеазиатскими народами.

2) Афганцы, соединяющіе теперь съ именемъ *инимисъ* (англичане) или *френи* (европейцы) понятіе о вооруженной силѣ, о жаждущемъ завоеваніи сосѣдѣ, при мирныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, находя въ англійскихъ агентахъ доброжелательныхъ совѣтниковъ, скоро пережѣнили бы нынѣшнее невыгодное объ англичанахъ мнѣніе. Въ 1808 г., когда афганцы не опасались нашествія англичанъ, посланникъ послѣднихъ Монтъ-Стюартъ Эльфинстонъ, сопровождаемый многочисленною свитою (одинъ почетный конвой его состоялъ изъ 400 солдатъ англоиндійскаго войска), встрѣчалъ повсюду въ Афганистанѣ хорошій пріемъ, такъ какъ въ то время афганцы смотрѣли еще на англичанъ безъ недовѣрія и страха. Тоже самое было до начала настоящаго столѣтія во всѣхъ частяхъ Оттоманской Имперіи. *Европеецъ* и *врагъ* были одно и то же въ понятіи правовѣрнаго мусульманина. Теперь же, когда наши посольства и консульства, несмотря на сопротивленіе Порты, утвердились во многихъ мѣстахъ турецкаго царства, османлы и арабы значительно измѣнили свой взглядъ на европейцевъ. Они имѣютъ теперь болѣе ясное понятіе о собирательномъ имени *френи* (европейцы); они хорошо знаютъ, что, напримѣръ, Россія на столько же враждебно расположена къ Портѣ, на сколько Англія дружелюбно, знаютъ, какое европейское правительство какіе преслѣдуетъ планы, и т. д. Безъ существованія въ Турціи нашихъ консульствъ, этого, конечно, не случилось бы. Такъ точно и афганцы, пока не вступятъ въ болѣе близкія мирныя сношенія съ англичанами, не поймутъ, что могутъ сдѣлать для

ихъ блага или несчастія Англіи или Россіи, не поймутъ, чья дружба полезнѣе для нихъ.

3) Афганцы, самый воинственный изъ всѣхъ среднеазиатскихъ народовъ, могли бы, подъ руководствомъ и при дѣятельной поддержкѣ англичанъ, сдѣлаться значительною военною державою. То, что успѣли сдѣлать французскіе инструкторы въ арміяхъ султана Махмуда и египетскаго паши мехмедъ-Али, а англійскіе офицеры въ войскахъ шаха Аббасъ-Мирзы, было бы ничтожно въ сравненіи съ успѣхами, какихъ можно достигнуть въ этомъ отношеніи съ афганцами, изъ которыхъ очень легко было бы образовать регулярное войско, какъ о томъ можно судить по нѣсколькимъ кабульскимъ полкамъ, обученнымъ сипаями дезертирами. Такихъ же успѣховъ можно было бы достигнуть и въ отношеніи крѣпостей Герата и Кандагара, которыя не представили бы тогда легкой добычи осаждающему русскому войску, если бы укрѣпленіемъ ихъ руководилъ какой нибудь второй Поттингеръ.

4) Но самая главная выгода учрежденія постоянныхъ англійскихъ дипломатическихъ представителей въ Средней Азій заключалась бы, по нашему мнѣнію, въ томъ, что тогда Англія, получая точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ въ среднеазиатскихъ государствахъ, о всѣхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ русскихъ, не подвергалась бы опасности неожиданнаго нападенія на томъ или надругомъ пунктѣ, и, зная истинное положеніе дѣлъ, всегда могла бы заблаговременно принять нужныя мѣры предосторожности. Въ настоящее время остиндскій вице-король содержитъ, правда, въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ нѣсколькихъ *мунши* (буквально писарь), неимѣющихъ никакого officialнаго характера. Эти *мунши*, обыкновенно изъ мохамеданъ, получающіе иногда большое жалованье, обязаны доставлять отъ времени до времени рапорты о положеніи дѣлъ. Кромѣ *мунши*, въ особенныхъ случаяхъ, посылаются лазутчики или тайные эмиссары, которые, переодѣтые купцами или пилигримами, ходятъ по Туркестану, развѣдывая о политическихъ событіяхъ. Не говоря уже о томъ что, какъ *мунши*, такъ и тайные эмиссары, вообще не способны къ исполненію возлагаемой на нихъ задачи просто потому, что они никуда не имѣютъ доступа, и записываютъ въ своихъ памятныхъ книжкахъ, одни базарные слухи и толки, знаютъ одну *караванную* политику,—я, какъ человѣкъ, много лѣтъ вращавшійся въ кругу азіатцевъ, полагаю, что этимъ людямъ, т. е. *мунши* и тайнымъ эмиссарамъ, всего менѣе можно вѣрить. Неужели калькутскимъ политикамъ неизвѣстно, что такое мохамеданскій фанатизмъ? неужели они не знаютъ, что никакія деньги не заставятъ мусульманина дѣйствовать противъ своего брата, мусульманина, въ пользу *френи*? По наружности, эти эмиссары и лазутчики показываютъ величайшую преданность Англіи, полнѣйшую готовность служить англійскимъ интересамъ; но, очутившись на

мѣстѣ своего назначенія, въ Средней Азій, они дѣлаются преданнѣйшими друзьями своихъ единовѣрцевъ, съ которыми они ходятъ въ одну и ту же мечеть, садятся на одинъ и тотъ же коверъ, для исполненія религіозныхъ обрядовъ. Индобританскіе государственные дѣятели, вѣроятно, не согласятся со мною въ этомъ случаѣ; но, несмотря на то, я всетаки убѣжденъ, что именно въ этомъ обстоятельствѣ, т. е. въ содержаніи Англіею подобнаго рода агентовъ, заключается причина того, что англійское правительство получаетъ крайне невѣрныя и неполныя свѣдѣнія о происходящемъ въ Средней Азій, что въ Европу приходятъ черезъ Индію нелѣпнѣйшіе слухи и что оно, т. е. англійское правительство, видитъ положеніе дѣлъ въ среднеазіатскихъ ханствахъ лишь въ тотъ свѣтъ, въ какомъ желаетъ выставить его русская дипломатія.

Будучи далекимъ отъ мысли брать на себя роль совѣтника въ дѣлахъ политики, я хотѣлъ только указать на тѣ средства, при помощи которыхъ вѣрнѣе всего можно достигнуть нейтралитета Афганистана, и сдѣлать это государство могущественною преградой дальнѣйшимъ завоеваніямъ Россіи въ Средней Азій. Когда дѣло идетъ о вопросѣ такой первостепенной важности для величія Англіи и для сохраненія ея могущества, обладаніемъ Индіею, было бы слишкомъ опасно искать мнимой опоры въ какихъ нибудь палліативныхъ мѣрахъ. Ошибки въ области политики, какъ бы ни были онѣ незначительны сами по себѣ, образуютъ съ теченіемъ времени, такъ сказать, отдѣльныя звѣнья непрерывной цѣпи неудачъ которую въ послѣдствіи не въ состояніи будутъ разорвать никакія усилія, никакая мудрость государственныхъ дѣятелей.
